

**Двадцать шесть московских
лже-пророков, лже-
юродивых, дур и дураков**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Д22

Д22 Двадцать шесть московских лже-пророков, лже-юродивых, дур и дураков / –
М.: Книга по Требованию, 2021. – 164 с.

ISBN 978-5-4241-6177-3

ISBN 978-5-4241-6177-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

васть съ мѣста , гдѣ сидѣлъ , стучить кулаками о столъ и кричить: «разбойники! воры! бей! бей! ». Воротившись домой , невѣста объявила матери , что она замужъ за своего жениха не пойдетъ , потому что Иванъ Яковлевичъ назвалъ его разбойникомъ . Услышавъ про неожиданный отказъ , женихъ сталъ выпытывать у людей невѣсты причину , и узналъ , что его невѣста была у Ивана Яковлевича , и онъ сказалъ ей что-то очень дурное про ея жениха . Женихъ , это былъ Э—ъ, (*) тотчасъ же отправился къ Ивану Яковлевичу и , рассказывали мнѣ , переломалъ ему ноги , а потомъ просилъ смоленскаго губернатора избавить общество отъ этого изувѣра , который разстраиваетъ семейныя дѣла .

(*) Рассказываютъ еще что женихомъ былъ не Э—ъ , а К— , который впоследствии дѣйствительно оказался воромъ . Неужели въ цѣломъ Смоленскѣ не найдется ни одного человѣка , который собралъ бы тамъ всѣ рассказы про Ивана Яковлевича и восстановилъ ихъ въ настоящемъ видѣ!

Въ Смоленскѣ , разрушенномъ войною, не было тогда дома умалишенныхъ, поэтому тамошній губернаторъ переписался съ московскимъ губернаторомъ (эта переписка вѣроятно цѣла,—издать бы ее!), и вотъ Иванъ Яковлевичъ посаженъ въ московскій «безумный домъ». Невѣста Э—а замужъ не выходила, а пошла въ монастырь, была игуменьей и вела переписку съ Иваномъ Яковлевичемъ. Ёхалъ Иванъ Яковлевичъ въ Москву, а слава его бѣжала впереди и распространяла слухъ, что ѣдетъ пророкъ, чудесно все угадывающій и предсказывающій. И сорокъ-три года прошло ужъ, какъ этотъ Иванъ Яковлевичъ, почитаемый равно москвитянками и смольнянками, предсказываетъ имъ о женихахъ, о выздоровленіяхъ, изцѣляетъ больныхъ, пророчествуетъ о морозахъ, о засухѣ, о буряхъ, о холерѣ, о войнѣ и т. п. Ему приносятъ дары, «съ упованіемъ нѣкія пользы», но онъ, какъ нѣкій идолъ, самъ ничѣмъ не пользуется (т. е. не наживается), а все раздаетъ окружающимъ его. Кромѣ того, при «безумномъ

домѣ», въ честь Ивана Яковлевича устроена «кружка», куда доброхотные датели влагаютъ свои лепты, куда идутъ и несчастный грошъ бѣдной бабы, и алая бумажка богатой купчихи.... Приносимые же ему дары состоятъ, обыкновенно въ калачахъ, яблокахъ и нюхательномъ табакѣ. Принятые Иваномъ Яковлевичемъ, они освящаются въ его рукахъ, и потомъ раздаются всѣмъ приходящимъ къ нему и производятъ мнимыя чудеса. Одна барыня, пріѣхавшая къ Ивану Яковлевичу изъ Смоленска, услыжавъ однажды голосъ невѣрія, сочла своимъ долгомъ обратить невѣрующаго на истинный путь, и рассказывала, какъ Иванъ Яковлевичъ изцѣлилъ ей палець, который медики единогласно присудили отрѣзать. Медики объявили ей, что если она не отрѣжетъ пальца, то скоро нужно будетъ рѣзать ей всю руку. Нѣсколько дней продолжалась ужасная боль въ ея пальцѣ и не знала она, что и дѣлать и куда дѣваться. И вдругъ вспомнила, что у ней въ комодѣ лежитъ свертокъ табаку, подареннаго ей Иваномъ Яков-

левичемъ, съ надписью: *табакъ отъ Ивана Яковлевича*. Она велѣла подать себѣ этотъ табакъ, посыпала имъ палець, и, чудо! палець тотчасъ же пересталъ болѣть и скоро зажилъ. «Такимъ образомъ, всѣ наши мѣдичи, продолжала она, шарлатаны, а Иванъ Яковлевичъ—святой человекъ.» Кромѣ нюхательнаго табаку, другимъ, такъ сказать, символомъ нездѣшняго духа Ивана Яковлевича служатъ записочки, которыя онъ раздаетъ проходящимъ. Записочки Ивана Яковлевича носятъ на крестѣ; онѣ изцѣляютъ отъ зубной боли, но главное, по смыслу написаннаго въ нихъ, угадывается судьба. Пишетъ Иванъ Яковлевичъ очень хорошо, но нарочно дѣлаетъ каракульки вмѣсто словъ, чтобы въ его писаніи было больше чудеснаго. Съ этой же цѣлью употребляются имъ греческія и латинскія слова. Предсказанія его и записочки всегда загадочны до отсутствія всякаго смысла; въ нихъ можно видѣть все, и ничего не видѣть, а потому, объясняемая съ извѣстною цѣлью, они постоянно сбываются. Вотъ

пунктъ, на которомъ никакъ не собьешь его поклонницъ! Но, говорятъ, что Иванъ Яковлевичъ въ послѣднее время рѣдко писалъ эти записки, и что писаніемъ ихъ занимался бывавшій ежедневно у него богадѣленный діаконъ, который и собиралъ матеріалы для житія Ивана Яковлевича. Изъ другихъ способовъ, которыми передается врачушая сила Ивана Яковлевича замѣчательны слѣдующія: дѣвушекъ онъ сажаетъ къ себѣ на колѣни и вертитъ ихъ; пожилыхъ женщинъ онъ обливаетъ и обмазываетъ разными мерзостями, заворачиваетъ имъ платье, дерется и ругается, безъ сомнѣнія, придавая тому и другому символическое значеніе. Княгиня В—ая умирала и лекаря отказались ее лечить Она велѣла везти себя къ Ивану Яковлевичу; вошла къ нему, поддерживаемая двумя лакеями, и спрашиваетъ о своемъ здоровьѣ. Въ это время у Ивана Яковлевича были въ рукахъ два большіе яблока. Ничего не говоря, онъ ударилъ княгиню этими яблоками по животу, съ ней сдѣлалось дурно и она

упала; еле-еле довели ее домой и, чудо! на другой день она была здорова.

Въ его палатѣ стѣны уставлены множествомъ иконъ, словно часовня какая. На полу предъ образами стоитъ большой высеребрянный подсвѣчникъ съ мѣстной свѣчой; въ подсвѣчникъ «ставятъ» свѣчи. Налѣво низко молится странникъ съ растрепанными волосами и въ порыжеломъ отъ солнца кафтанѣ. Направо, въ углу, еще ниже молится баба. Прямо на диванѣ сидитъ молоденькая дѣвушка, на полу возлѣ *него* извѣстная купчиха З—ая. Увидавъ вошедшихъ людей, она встала, опустила на юбку свое платье, поднятое къверху, чтобъ не замарать его на полу, подвела къ *нему* подъ благословенье своего ребенка, потомъ сама подошла, потомъ поцѣловала его руку и лобъ, перекрестила его и вышла.

Направо въ углу, на полу лежитъ Иванъ Яковлевичъ, закрытый до половины одѣяломъ. Онъ можетъ ходить, но нѣсколько лѣтъ ужъ предпочитаетъ лежать. На всѣхъ другихъ

больныхъ надѣто бѣлье изъ полотна, а у Ивана Яковлевича и рубашка и одѣяло, и наволочка изъ темноватаго ситца. И этотъ темный цвѣтъ бѣлья, и обычай Ивана Яковлевича совершать на постели всѣ отправленія, какъ-то обѣды и ужины, (онъ все ѣстъ руками — будь это щи, или каша) и о себя обтираться, — все это дѣлаетъ изъ его постели какую-то темногрязную массу, къ которой трудно и подойти. Лежитъ онъ на спинѣ, сложивъ на груди жилистыя руки. Ему около 80 лѣтъ. Лобъ высокій, голова лысая, лицо какое-то придавленное. Онъ молчитъ, или почти не отвѣчаетъ на всѣ предлагаемые ему вопросы. Сторожъ ему и говоритъ: «Иванъ Яковлевичъ, что же вы не скажете ничего господамъ? скажите чтонибудь имъ?» «Я усталъ», отвѣчалъ онъ, но потомъ сказалъ кое-что очень обыкновенное. Иванъ Яковлевичъ лѣтъ по десяти не говѣетъ. Явленіе понятное. Но великимъ постаемъ, онъ велитъ приносить себѣ постныя и скоромныя кушанья (и ему приносятъ!), мѣшаетъ ихъ вмѣ-

стѣ, и самъ ѣсть и другихъ кормить. И ханжи, которыя дома не обходятся безъ постнаго сахара, ѣдятъ у Ивана Яковлевича скромныя щи, вѣруя, что это богоугодное дѣло. Вообще же мѣшанье кушаньевъ имѣеть въ глазахъ Ивана Яковлевича какое-то мистическое значеніе. Принесутъ ему кочанной капусты съ лукомъ и варенаго гороху; оторветъ онъ капустный листъ, обмакнетъ его въ сокъ и положить его къ себѣ на плѣшь, и сокъ течеть съ его головы; остальную же капусту смѣшаетъ съ горячимъ горохомъ, ѣсть и другихъ кормить: скверно кушанье, а всѣ ѣдятъ. За обѣдомъ и ужиномъ не запрещена Ивану Яковлевичу и водочка.

Изъ почитателей Ивана Яковлевича извѣстны: упомянутая выше купчиха З—ая и ея мужъ, и г-жа Г—ая. Говорять, что у Ивана Яковлевича часто бывалъ покойный гофмаршалъ Олсуфьевъ, и когда онъ пріѣзжалъ, то къ Ивану Яковлевичу никого больше не пускали. Г-жа Г—ая имѣла въ Москвѣ судебное дѣло, въ которомъ отказано

ей было во всѣхъ инстанціяхъ. Подавала она нѣсколько просьбъ начальству, и кончилось тѣмъ, что се обязали подпиской не беспокоить болѣе начальства. Что ей дѣлать? Она бросилась къ Ивану Яковлевичу. Онъ ей сказалъ: не бойся! ступай въ Питеръ и проси священника Александра. Она поѣхала въ Петербургъ, говѣла тамъ, исповѣдалась нарочно у священника Александра и выиграла дѣло. У нея же за долги было назначено въ продажу имѣніе. Завтра аукціонъ: что ей дѣлать? она къ Ивану Яковлевичу. Не бойся, говоритъ онъ ей, на своемъ мистическомъ языкѣ, все будетъ хорошо! Она грѣшная не вѣритъ, идетъ домой, и чтожь? ей даютъ взаймы денегъ, она платитъ, и имѣнье остается за нею! Но не ко всѣмъ добръ Иванъ Яковлевичъ. Настоящихъ дураковъ и онъ даже гоняетъ отъ себя, особенно, когда они обращаются къ нему съ нелѣпыми вопросами. Пріѣзжаютъ разъ къ нему три жирныя такія купчихи въ тысячныхъ солопахъ, и одна изъ нихъ, беременная, спрашиваетъ:

кого она родить, мальчика или дѣвочку? Иванъ Яковлевичъ выгналъ ихъ всѣхъ и не сталъ съ ними говорить. Приѣхала къ нему извѣстная нѣкогда красавица, купчиха Ш—а, и спрашиваетъ его о чемъ-то, а онъ сказалъ, поднявъ ей подолъ: все растресла, поди прочь! Въ числѣ почитателей Ивана Яковлевича считается одно извѣстное лицо, которое по его записочкамъ, написаннымъ на клочкахъ сѣрой бумаги, оказываетъ покровительство его родственникамъ. Такъ напримѣръ, племянникъ Ивана Яковлевича былъ переведенъ изъ села Петровскаго въ село Черкизово. И потомъ эти черкизовскіе родственники и хлопотали, какъ-бы взять Ивана Яковлевича къ себѣ и, такимъ образомъ, открыть у себя торговлю. Имъ помогалъ нѣкто В—нъ. Говорятъ, что онъ прежде былъ дьякономъ, потомъ женился на купчихѣ, былъ учителемъ, по ходатайству одного лица передъ княземъ С. М. Голицынымъ, поступилъ въ Совѣтъ, гдѣ по милости же князя дослужился до коллежскаго ассессора, потомъ поступилъ въ монахи, а теперь